

ДИВО

ДИВНОЕ

Некто Без Имени

Некто Без Имени

Диво Дивное

«Автор»

2026

Без Имени Н.

Диво Дивное / Н. Без Имени — «Автор», 2026

Тень Дарксии накрывает Белогорье, а судьба царских детей давно расписана без их согласия: сёстрам предстоит стать разменной монетой в политических играх и выйти замуж за чужеземных принцев. Иван-Королевич не хочет быть просто правителем — он жаждет подвига и уважения народа. Отправившись на опасный Круг, он встречает воительницу Марью Моревну: их союз может стать надеждой для всего царства или его погибелью. Переосмысление русской сказки, где древние мотивы сплетаются с придворными интригами, битвами и искренними чувствами. Готовы ли вы услышать эту легенду по-новому?

© Без Имени Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

"Скоро сказка сказывается.."	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Некто Без Имени Диво Дивное

"Скоро сказка сказывается.."

Воздух ночной был сух да горяч, а пах — не цветами душистыми, не мёдом сладким, а кровью горячей да гарью едкой: то Дарксия лютая по землям ходила, дома хлипкие крушила, народ в полон брала. Скрипели когти волколаков, сыпались кирпичи, и крики женские да детские над улицами плыли, как стон сырой земли.

— Не надо, не трожьте! — голосила девчушка малая, слёзы горькие роняя. — Отдайте мамочку мою, Ами!

Да разве услышит зверь человеческий плач? Унёс её матушку волк двухсаженный, и только чёрные косы по плечам болтались, как знак беды неминучей.

А по улицам вихрем мчался конь черногривый, копытами пыль поднимая. На нём всадник сидел, руку вперёд простирая, — и летели из ладони его шары огненные, освещая путь да сжигая остатки надежды.

— Всё обыскать! В каждом углу глянуть! Повелитель где-то здесь, чую сердцем злым! — гремел голос его, словно гром над мёртвой степью.

— Брать ли пленных, о господин? — прорычал воин рядом, клыкастую пасть ощерив.

— Бери. Живых бери. Хоть и грех это, да такова доля наша.

====

А над Градом Белокаменным тучи собирались, густели, темнели, будто сама Мара крылья свои над городом раскинула. И на улицах было не светлее: шли люди понурые, печальные, к Терему Царскому тянулись — ибо беда великая пришла в дом государев.

Скончались Царь Родаслав да Царица Лада — люди добрые, сердцем любящие, и каждый в царстве знал: для кого они — правители мудрые, для кого — наставники строгие, а для своих детей — отец да матушка родные. Трое деток у них осталось: старший Иван — ныне Королевич, да три сестрицы — Ольга-царевна, Марья-царевна да Анна-царевна.

Стоял народ у гроба час долгий, слезами землю поливая. И когда уж казалось, что сердце разорвётся от горя, поднял Иван руку, тишины прося.

— Прощаемся ныне с Родаславом и Ладюю, — молвил он, на гробы из красного дерева глядя, васильками скромными украшенные. — Для одних они — опора земли нашей, для других — свет разума, а для нас... — Тут голос его дрогнул, и спина, прямая доселе, чуть согнулась. — Для нас они — мать да отец, чьё тепло уж не согреет.

И повисла тишина — минута, а будто век целый. Ольга-царевна головой покачала, словно отгоняя дурной сон. Марья-царевна рукавом слёзы со щёк смахнула, не желая, чтоб видели её слабость. А Анна-царевна лишь вздохнула, будто весь воздух из груди выдыхая.

— По воле их последней, по письму заветному, хоронить их надобно, как простой люд хоронят: предать тела огню да в кургане Предков упокоить.

Не успел голос Королевича затихнуть, как вспыхнули дрова под гробами, от факелов приставленных занявшись. И пошёл дым высокий, густой, словно сама тьма из земли поднималась, небо чернотой затягивая. Трещали поленья, искры в небо летели, а вместе с ними улетали и последние крохи надежды. Знали все: зло близко, Навь уже дышит в затылок, и стены белокаменные не спасут, коли не найдётся сердца храброго да руки верной.

— И что же дальше будет? — прошептала Анна сестре, что справа стояла.

— Слышала я, матушка с батюшкой нам партии удачные подыскали. Проживи они ещё недельку-другую — глядишь, плясали бы мы у Алатырь-камня, венцы надевая.

— Марья, Анна! — прошипела тихо Ольга, и сестрицы разом смолкли, будто ветром слова унесло.

Дым стоял стеной, горек, как полынь, и горек был каждый вздох. И не кидал никто слова пустого, луча надежды не бросал — ибо знали: нынче не до сказок, нынче беда по пятам ходит.

— На том и закончим, — выпрямил спину Королевич Иван, руки на животе сложив. — Пока огонь горит, стойте да в дым седой глядите. Но как только Хорс свою колесницу за край мира уведёт, чтоб ни один нос из хаты не высовывался!

Протрубил рог ритуальный, и удалилась семья королевская с похорон, в сад царский уйдя, цветами да ягодами усаженный.

Подошла Анна-царевна к дубу вековому, ладонью по коре шершавой провела.

— А помните, как тут сидели, отвары пили? Папенька нам сказки сказывал, пока маменька веночки плела...

И дрогнули плечи её, и покатались слёзы по щекам. Ольга стояла рядом, не зная, как сестру утешить: сердце её было твёрдым, как камень, но не чёрствым — просто не ведало она слов, что могли бы боль унять. А Марья зубами скрипела, ногти в ладони впивая: чуяла она беду, и чуйка эта жгла изнутри.

«Действовать надо! — шептала она про себя, слёзы сдерживая. — Чувствую, худое что-то грядет!»

А Иван-Королевич стоял поодаль, будто и не здесь вовсе. Взгляд его был пуст, словно душа на Лугах Зелёных гуляла, а тело тут осталось, тяжёлую ношу держа. Не хотел он трона, не хотел быть государем: удел его — по полям скакать, чудовищ разить, девиц спасать. А теперь вся земля Белогорья на его плечах лежала, и тяжела была эта ноша, ох тяжела...

Словно небо само чувствовало эту боль — затянулось тучами серыми, и закапали первые капли, редкие, холодные.

— Дождик... — протянула Анна, руку подняв, капли лоя. — Это боги с нами горюют? Или матушка с батюшкой за нас переживают?

— Скорее это знак, что домой пора, — буркнула Марья, рукава длинные откинув, и пошла к терему, гордо голову неся.

Ольга помогла Анне подняться, и, обнявшись, пошли они за сестрой. Иван же, прежде чем дверь затворить, на тучи взглянул. И знал он сердцем, что сегодня ещё не одна слеза прольётся, не одна душа пострадает.

Тут и слуга подбежал, в поклоне сгибаясь:

— Королевич Иван! Царевны Ольга, Марья и Анна! Принц из Алахары прибыл — просит встречи с Марьей-царевной.

Иван на миг замешкался, но Марья вперёд шагнула, голос твёрдый подавая:

— Как это понимать? У нас тут траур, сердце кровью обливается, а он — на порог! Скажи ему, не желаю никого видеть! А если настаивать будет...

И заплясали в руке её языки пламени, яркие, злые. Но тут легла на плечо её ладонь крепкая, парнишеская.

— Иван? — вскинула она глаза, пламя гася. — Что ты делаешь?

Вздыхнул Королевич, на сестёр поглядел внимательно, словно запоминая каждую чёрточку.

— Матушка с батюшкой ещё при жизни вам женихов подыскали. И последняя воля их такова: свадьбы сыграть надобно. Ольга, твоя судьба с принцем Куаном сплетена. Марья, тебе идти под венец с принцем Алахары. А ты, Анна... — Тут он на младшую посмотрел, что дрожала, плечи обнимая. — Свою судьбу ты и так знаешь.

Слабо улыбнулся он, и Анна, будто солнышко из-за туч выглянуло: подпрыгнула, обняла брата крепко.

— Простите, повелители, — снова поклонился слуга Васко. — Но гость наш... суров, терпением не славится.

— Я поняла, Васко. Передай, скоро буду.

Слуга поклонился и убежал, словно стрела из лука выпущенная.

— Не думала, что так рано женой стану... — прошептала Марья, в окно глядя, где молния яркая небо рассекла.

Спустя малое время вошла Марья в тронный зал, голову опустив, но шаг держа твёрдый. Сарафан её из хлопка шёл, как пламя красное, а золотые нити по ткани вились, подчёркивая стать её высокую. Коса длинная, до самых пят достающая, в свете огней будто огнём горела.

— Принц Мустафа, — склонилась она перед сидящим юношей. — Рада, что прибыли к нам.

Наклонил он голову, смешок тихий издал. Но улыбки не было видно — только глаза чёрные, подведённые, сверкали, как малахиты в темноте. Одежда его была лёгкой, белой, живот оголяла, и кожа его, белая, как снег, дивно смотрелась для принца из страны солнечной. Шаровары серебряные, узором огненным расшитые.

— Прелестна ты, царевна, — проговорил он, голос низкий, бархатный. — Надеюсь, и покорна будешь такой же.

Стиснула Марья кулаки, но голос сдержала.

— Оставь эти речи для женщин Алахары. Здесь, в Белогорье, женщина — не тень мужа, а равная ему сила.

Подняла она взгляд, и глаза её горели, как два янтаря чистых. Мустафа лишь головой покачал, к окну подошёл.

— Утром выезжаем. Нет у нас времени ждать. Хочешь ты того или нет.

— Хоть и царевна я, а понимаю не хуже тебя: в воздухе смерть витает.

И как только солнце из-за горизонта выглянуло, так кони их телегу потянули, рысью бежали, пока не встали на дыбы, ржание громкое издавая.

===

Год прошёл с той поры, как Марью увезли. Снова вышли гулять Иван-Королевич, Ольга-царевна да Анна-царевна. Тучи висели низко, серые, тяжёлые, и весь мир будто краски потерял, поблёк.

— А помните, как Марьюшка нас от веток отговаривала? — коснулась Анна ствола дуба, что листвою шептал что-то своё, тайное. — Сколько сарафанов из-за лазанья по деревьям испортили...

Улыбнулась она сквозь слёзы, а потом и вовсе на колени упала, плач сдерживая. Подбежала к ней Ольга, за плечи обняла.

— Помню, сестрица. Да не будем о том вспоминать, а то словно не упокоится она в сердце нашем.

Припала Анна к её груди, крик свой заглушая. Сел к ним и Иван, обнял обеих, и стали они втроём слёзы ронять. Не нужны были им слова — только тепло друг друга, только знание, что не одни они в этом мире горьком. И лили они слёзы, чувствуя, как любовь, тихая, но крепкая, их держит, не даёт рассыпаться.

Долго бы они так сидели, кабы гром не грянул, небо расколов.

— Анна, Ольга, пора домой, — поднялся Иван. — Там и ужин, поди, накрыт.

Сестры руки в его ладони вложили, повисли, будто он им и бык, и конь, и опора.

— Эй, я вам тяговая сила, что ли? — удивился он, но тут же улыбнулся.

— Ну сделай милость, братик! Сил совсем нет...

— Да... Мы так устали...

Рассмеялся Иван, потянул их к дому, и смех его звонкий, редкий, как солнце в пасмурный день, их заразил. Вошли они все мокрые от дождя, но смеялись, и давно уж не было в тереме такого света.

Обнял Иван сестёр, голос тихий, но твёрдый подал:

— Не хочу, чтобы вы уходили... Куда я без вас?

Ольга левой рукой его обняла, по плечу похлопала.

— Мой жених и не думает являться, так что я тут останусь, помогать буду. Да и Серая говорит: Дарксия не только на Алахару глядит, может, и до нас дойдёт.

Анна к брату прижалась.

— Не будем о грустном! Ванечка, я тоже не оставлю тебя!

Тут кто-то кашлянул. Обернулись все трое.

— Прошу прощения, — начал Васко, снова в поклоне сгибаясь. — Принц Вейшенг прибыл. Требуется встречи со своей невестой.

Положил Иван руки на плечи Ольги, в серые глаза её заглянул. Мгновение — и Ольга кивнула, коротко, твёрдо.

— Исполню волю матушки с батюшкой.

Обняла она Анну, поспешила в покои свои. А вскоре в тронный зал вошла — в сарафане сером, до пят достающем, рукава широкие кости её скрывали, но стать не прятали. Склонилась в поклоне перед принцем.

— Честь великая видеть вас, принц Вейшенг.

Он приподнял её за подбородок ладонью большой, тёплой.

— И мне честь — видеть Деву, которую Ночь поцеловала. Волосы твои... — накрутил он кончик косички на палец. — Прелестны, как лунный свет на воде.

Не понимала Ольга, что творится, только в животе щекотка лёгкая бегала, как мышка в соломе. Откинула она косу, встала прямо, взгляд в сторону отвела.

— Мы едва знакомы, прошу, ограничьтесь словами.

Наклонился он к ней, дыхание его ухо её щекотало.

— Моя царевна Ольга. Ты так скромна... Идеально.

Вспыхнули щёки её, будто заря над лесом. Смотрела она в глаза его синие, глубокие, и казалось ей, что стоит она на краю обрыва, а внизу море шумит, волны о камни бьются, и сама она вот-вот разобьётся о эту бездну хитрую, манящую.

— Прошу, Вейшенг, время не ждёт. Дарксия может нагряться в любой миг...

Отошла она, стараясь не глядеть на тело его открытое, на мышцы литые. «Нельзя было поскромнее одеться?» — думала она про себя.

— Не тревожься, — взял он её ладонь, губами пальцы коснулся. — Куан Ли песками и бурями защищён. Ты будешь в безопасности.

Чувствовала Ольга, как кровь по жилам бежит, как щёки горят. Никто прежде так с ней не обходился. Верить ли ему? Страна его веками от мира закрывалась, а тут вдруг — брак, союз, судьба...

— Но выбора у меня нет. Свадьба наша — перелом для двух стран. В лучшую сторону, надеюсь.

— Конечно, моя царевна. Верю, союз наш будет блистательным!

Как только солнышко над лесом поднялось, так и отправились они в путь.

===

Ещё год миновал, как птица пролетела. Пасмурным днём вышли Иван-Королевич да Анна-царевна под небо хмурое.

— Ванечка... — устало прислонилась Анна к стволу дуба шершавому. — Почему каждый год, как мы к этому дубу приходим, кто-то из сестёр пропадает? Сначала Марьюшка... Теперь от Ольги ни весточки...

Вздыхнул Иван, головой покачал. Знал он, что родители их судьбы заранее сплели, но думали ли они, что дети их из Яви исчезнут?

— Аннушка, глянь на небо. Помнишь, что было год и два года назад?

Подняла она глаза на тучи, всё темнее становившиеся.

— Тогда... женихи их приходили!

Сжала она руки у сердца, лицо осветилось улыбкой слабой, а сердце затрепетало от одного лишь образа возлюбленного её — принца из Бэати, что когда-то её от гибели спас. По щеке капля скользнула... но то не слеза была.

— Дождь начинается, Анна. Пойдём в дом.

— Нет... — прошептала она. — Он скоро придёт.

Час прошёл, и ночь мир одеялом тёмным укрыла, а Анна всё стояла, ворона белокрылого высматривая.

— Пойдём, Анна, — положил Иван ладонь ей на плечо. — Время позднее. Может, завтра прилетит.

Кивнула она нехотя, в объятиях брата к дому пошла, а слёзы не сдерживала, глядя на молнии, что небо рвали.

Упала она на кровать, в подушку крик пряча:

— Почему не пришёл, Фиакр? Ты же обещал!

Плечи её тряслись, пальцы перину сжимали. Взяла она сундучок, сапфирами украшенный, достала письмо заветное.

— Три года уж прошло, как матушки с батюшкой не стало... — прижала она листок к груди, в окно глянула. — Неужели беда с тобой, ворон мой?

Хотела окно затворить, да тут ветер свистнул, и закружилась по комнате птица. Не успела Анна опомниться, как плюхнулся ворон белокрылый на кровать — и обернулся принцем заморским.

— Фиакр! — кинулась она к нему. Лицо её стало краснее клубники спелой.

На перине лежал он, глаза прикрыв, волосы золотые, как солнечные лучи, по подушке рассыпаны. Одежда тонкая, изящная, каждое движение его выдавала.

— Ну же, Цвет Мой, — протянул он руку, кольца золотые на пальцах сверкнули. — Или так и будешь стоять?

Бросилась она к нему, рядом легла, обняла крепко, чувствуя тепло его, силу. Сердце трепетало, будто птица в клетке.

Всплакнула Анна, слёзы горькие роняя:

— Я уж и не чаяла, что придёшь ты ко мне, мой свет!

Носом уткнулась она в рубаху его белоснежную, словно в пуховое одеяло, и прижалась крепче, будто боялась, что растает он, как утренний туман. А Фиакр лишь улыбнулся да одной рукой её обнял, в макушку поцеловал и молвил тихо:

— И я скучал, Цвет Мой, каждый день по тебе сердце ныло.

Хотела было Анна спросить, отчего не писал он, отчего не навещал, да только язык не повернулся: ведь вот он, рядом, дышит, сердце его под ладонью бьётся, тепло от него идёт, как от печи в зимнюю стужу. Глядела она на него: на нос с горбинкой, на глаза его хитрые, что, как всегда, тенями подведены, а оттого сверкают, будто озёра под солнцем.

Заметил Фиакр, что засмотрелась она на него, и усмехнулся, зубы белые показав. Рукой по спине её провёл, за талию прижал и говорит с лукавством:

— Что ж ты так смотришь, будто клад нашла? Неужто так я хорош, Цвет Мой?

А она в ответ только носом шмыгнула да лбом о грудь его потерлась, словно кошка ласковая, стараясь каждой жилочкой тепло его почувствовать.

Так и уснули они в объятиях друг друга, не размыкая рук. А как петухи первые запели, возвещая рассвет, так и отправились в путь-дорогу дальнюю — в страну Бэати, что под рукой принца Фиакра была.

===

Пролетело время, словно всадник быстрый по степи промчался, — и полгода уж минуло. Да только не было радости в сердце Ивана-Королевича: горько ему было, что сестрицы любимые далеко, а под боком одни бояре крикливые. Летом и днём в шубах да шапках меховых ходят, будто зима лютая настала, а не лето красное. Глядел на них Иван и только в душе посмеивался: не к чести это, не к уважению.

И вот в тереме царском, в палате тронной, опять шум да гам поднялся. Бояре друг на друга кричат, кулаками по столу стучат, каждый своё гнёт:

— Надо выступать, пока реки льдом скованы! Русалы нам не враги, это я вам твёрдо говорю!

— Да что ты мелешь, голова садовая! Как биться будем, если на земле стоять придётся? Там волки нас в ключья порвут!

— А на что нам вообще воевать? Мало призраков в Дарксии, что ли?

Кричали они, надрывались, а Иван-Королевич только вздыхал тяжко, руку на лоб кладя: ох, тяжела шапка Мономаха, ох, горька доля государева!

— Напомни-ка, Серая, — молвил он устало, — зачем мы вообще совет сей собрали?

— Казна, значит, надобно обсудить, — буркнула Серая, скрывая досаду за рыком суровым. Была она коренаста, крепка, стояла подле трона, как скала нерушимая. — Да только, как водится, каждый про своё кричит, а до казны и дела никому нет.

Не успели они и слова ещё молвить, как вдруг кто-то стул швырнул — да так, что дерево затрещало. И раздался голос Серой, грозный, будто волчий рык:

— ЗАМОЛКНИТЕ ВСЕ, ПЕСЬЕ ОТРОДЬЕ!

От крика её все бояре так и присели, будто их ледяной водой окатили, и по местам своим поспешили, головы пригнув.

— Благодарствую, генерал Серая, — поднялся Иван с трона, голос твёрдый подавая. — Знайте же, господа бояре, не пойдём мы на Дарксию войной. Пусть и монстры они, и нечисть лютая, да только, если мы на них нападём, сами не лучше их станем. А пуще того... — Тут он на Серую глянул, и в глазах его тоска затаённая мелькнула. — Не сдюжим мы против них. Войска наши, хоть и третий год тренируются да воинов набирают, не смогут и десятой части их полчищ одолеть.

Ведь издавна Белогорье славилось не ратной силой, а делами мирными: поставляло оно во все четыре стороны света камни самоцветные, редкие да дивные, и хлеба, и мёда, и товаров всяких, что руками умелыми сотворены. От того и держалась казна, от того и народ жил в достатке.

— Так набирай больше воинов! Неужто у нас добрых молодцев не сыщется? — выкрикнул старик в соболиной шубе, брови нахмутив.

— Надо, Всеволод, не воинов набирать, а поля пахать да скот пасти, да в горах руду добывать, — отрезала Серая, и взгляд её стал острым, как клинок наточенный. — Армия наша крепка, да не настолько, чтобы с Алахарой наравне против нежити стоять!

— Так возьми крестьян! — не унимался старик.

Тут Серая на него поглядела так, как волк на жертву смотрит, когда уже прыжок готовит:

— Нет у нас крестьян, Всеволод. И запомни: народ, что спины гнёт, чтобы ты в мехах да камнях ходил, не «крестьянами» звать надобно, а кормильцами нашими. И если ещё раз так скажешь, то меня бойся пуще Лады-матушки!

На миг в палате тишина настала — такая, что слышно было, как ветер за стенами завывает, будто Мара по дворам ходит.

— Вижу я, — вздохнул Иван, — что не придём мы нынче к единому слову. Тяжёлые времена наступили, а согласия меж нами всё нет. На том и закончим совет.

Вздохнули бояре, зашуршали полами шуб тяжёлых по полу деревянному и потянулись к дверям, головы опустив. Лишь Серая с Иваном в палате остались.

— Сил моих больше нет, Серая, — проговорил Иван, голос его дрогнул. — Каждый день они кричат, друг друга перебивают, а к согласию не приходят. А время-то не ждёт, Коляда дни считает, не останавливаясь...

— Да чего им приходиться-то? — фыркнула Серая и присела на ступени подле трона. — Только и знают, что есть да пить, да брюзжать. Такая уж твоя доля, Вань.

Сел он рядом с ней, протянул ей кубок с медовухой:

— Не хочу я этого, Серка-Бурка. Не хочу каждый день эти споры слушать, не хочу думать, как страну уберечь. Когда только на трон сел, на другой день после похорон отца с матушкой, думал — поддержат меня, помогут советом. А увидел в глазах их лишь презрение да злость, будто я не сын царский, а тварь Навийская... Прости, что говорю так.

— Да ладно тебе, — усмехнулась Серая и рукавом рубахи ситцевой с подбородка капли напитка стёрла. — Я-то тебя прощу. Ну, что дальше-то делать будем? Слыхала я, Дмитрий да Даян против тебя шептаться начали, других подбивают бунт поднять. Да только, видать, ленивы они либо не так храбры, как мнят.

Отхлебнула она медовухи громко, выдохнула смачно, потом блюдо с остатками кабана, ею же и подстреленного, придвинула:

— Будешь? Мясо-то сочное, соком пропитанное.

— Давай, — улыбнулся Иван и тоже кусок откусил, не чинно, а по-простому, с аппетитом.

И в тот миг сердце его радостью наполнилось, будто солнце из-за туч выглянуло. Никаких церемоний, никаких поклонов да речей пустых — только он да Серая, сидят себе у подножия трона. Он — в шубе зелёной, золотом расшитой, в рубахе простой, а она — в рубахе серой, местами в пятнах, волосы кое-как завязаны, где торчат, где обрублены, а лицо и руки все в шрамах да ожогах. И не прячет она их, не стыдится.

— Эй, чего уставился, Вань? — хмыкнула она.

— Ничего, — снова улыбнулся он. — Просто нынче впервые за долгое время чувствую себя живым, будто снова я не государь, а просто добрый молодец.

Солнце сквозь витражи цветные струи золотые пускало, блики по полу плясали. Пахло в палате деревом тёплым, мёдом да смолой, что в жаровне курилась. На столе остатки трапезы лежали, мухи над ними кружились, да только прислуга не смела войти — не хотела тишину эту хрупкую нарушать.

— Знаешь, — проговорил вдруг Иван, поднимаясь, — ты так ладно советы да приказы отдаёшь. Не думала ли ты вместо меня Белогорьем править?

От этих слов Серая так захохотала, что чуть со ступеней не скатилась:

— Ой, Девана-матушка, пощади! Вот скажешь ты слово — так хоть стой, хоть падай!

— Я серьёзно, Серка-Бурка, — настаивал Иван, кусок сыра откусывая. — Хочу я мир поглядеть, подвиг совершить, славу себе добыть, чтобы народ меня не как царя, а как богатыря почитал.

— И хочешь ты Белогорье на меня оставить? — прищурилась Серая. — Ну, ладно. Согласна. Только с одним условием: чтобы на дворе царском я могла воинов тренировать, как ведаю.

— Всё, что пожелаешь, госпожа моя, — шутиливо поклонился Иван.

===

На утро раннее оседлал Иван коня своего верного, пришпорил его и поскакал по свету белому, лук и стрелы при себе держа, чтобы славу себе добыть. Долго он скакал, по морю Белому плыл, даже русалок не встретил, и наконец до Круга добрался.

Место то было опасное, загадочное: тут армии всех четырёх земель сходились, чтобы Дарксию сдерживать. Хотя и не видать той страны за горами-великанами да лесами тёмными, но знали все: в любой миг могут оборотни из чащи выскочить, призраки из тумана выплыть, русалки из воды подняться.

Тихо ехал Иван, коня не погоняя, и дивился:

— Глянь-ка, одуванчики! А вон ромашки белолепестковые! Ох, да это же жарки! Ведь они только в Белогорье растут! Неужто я и правда на Круге?

Улыбнулся он, да тут сердце у него ёкнуло: из-за гор чёрные тучи выползли, молния по небу змеей пробежала. Пришпорил Иван коня, мимо озера проехал и через час возле города оказался. То был Град Военный, где воины Круга жили. Да только теперь не жили, а лежали в руинах деревянных, в доспехах разных, кто мёртвый, а кто ещё стонал, последние силы теряя.

Чем дальше ехал Иван, тем сильнее чуял он дыхание Мары — холодное, мёртвое. Земля тут багровой стала, будто кровью налилась, а воздух пропах мясом сырым и железом ржавым.

Сошёл Иван с коня, подошёл к дому большому, где воин, дрожа, пытался подняться.

— Давай помогу тебе, братец! — сказал он, подставил плечо и помог воину встать, а потом к лавочке уцелевшей подвёл.

— Ох, спасибо тебе, добрый человек, — выдохнул воин и поднял руки, шлем тяжёлый снимая.

И тут сердце у Ивана так забилося, что чуть из груди не выпрыгнуло: под сталью толстой, под броней крепкой оказалась дева прекрасная. Волосы её золотом отливали, лицо было бледное, но с лёгким румянцем, а глаза зелёные так и сверкали, как изумруды в короне царской.

— Ты... девица? — прошептал Иван, не в силах взгляд отвести. Чувствовал он, как жар по щекам разливается, а сердце колотится, будто он сто вёрст без остановки пробежал. Но вместе с тем будто одеялом тёплым его укрыли, а в животе щекотно стало.

— А ты будто никогда девиц с мечом не видал, — усмехнулась она. — По твоей одежде видать, что из Белогорья ты. У вас ведь и генерал — девица.

— Верно, — кивнул Иван. — Да только такой красавицы я и не встречал... Прости, — тут он руку протянул было, да сразу отёрнул. — Где ты ранена? У меня настои целебные есть, помогут, верно.

— Ты больно добр для того, кто на Круг пришёл, — сказала она, чуть улыбнувшись. — Доспехи эти тяжёлые, непривычные мне. Есть ли у тебя хоть краюшка хлеба? И как звать тебя, спаситель мой?

— Есть, конечно, — достал он из сумки дорожной свёрток. — Тут и мясо, и вино, и фрукты сушёные. А зовут меня Иван. Иван-Царевич... то есть теперь уж Королевич.

Протянул он ей еду, а сам глаза опустил, смущённо бормоча:

— Вот уж четыре года, как титул ношу, а всё привыкнуть не могу...

Потом голову поднял и на воительницу поглядел, что кусочек яблока жевала.

— А тебя как звать, красна девица?

— Марья Моревна, — ответила она, и имя её, словно гром тихий, в груди у Ивана отозвалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.